

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Х. Абельс

РОМАНТИКА, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И КАЧЕСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Романтическое мышление
 - 1.1 Вебер: понимание, идеальный тип, свобода от ценностей
 - 1.2 Зиммель: феномены преодолеваются на новом пути
 - 1.3 Чикагская школа социологии
 - 1.4 Новое начало
2. Феноменологическая социология
 - 2.1 Вопрос о веберовском центральном понятии смысла
 - 2.2 Феноменология и жизненный мир
 - 2.3 Типизации
 - 2.4 Идеализации
 - 2.5 Социальная структура жизненного мира
 - 2.6 Временная структура и смысловая структура действия
 - 2.7 Социальное конструирование реальности
3. Претензии к качественному социальному исследованию
4. Этнометодологический эксперимент кризиса
 - 4.1 Конституция и методическая конструкция повседневности
 - 4.2 Почему мы в повседневности верим, что понимаем друг друга
 - 4.3 Набросок практической теории в повседневности
 - 4.3.1 Документальные методы интерпретации
 - 4.3.2 Подвижность языка
5. Качественное социальное исследование: взгляд на глубинные структуры

История современного качественного социального исследования начинается с европейской романтики начала XIX столетия. Романтика была движением интеллектуалов против традиционализма и понимала себя, прежде всего в Германии, как первый шаг в новое время. Элвин У. Гоулднер, вскрывший в своей большой статье о «Романтическом и классическом мышлении» глубинные структуры в социальных науках, показал, что именно немецкая романтика осуществила «прорыв в Новое время чувственного опыта субъекта, который противостоит объективистскому понятию просвещения» того же времени (Gouldner, 1973, S. 175). Во-вторых, романтика представила новое понимание реальности, согласно которому действительность никоим образом не едина, но комплексна и состоит из многих частей, каждая из которых полна собственного смысла и потому также обладает самостоятельной ценностью. Тем самым, в-третьих, окрепла претензия постичь суть вещей, какими бы банальными они ни казались. Как понять вещи? Это потребовало мышления особого рода, которое предполагало, что вещи не должны быть такими, какими они кажутся.

Где здесь связь с социологией и, конечно же, с качественным социальным исследованием? Я нахожу три основные линии развития, которые тесно связаны между собой. Первая исходит из романтики и через Вильгельма Дильтея ведет к двум выдающимся социологам на рубеже XIX — XX веков — Макс Веберу и, главным образом, Георгу Зиммелю, которые занимались социологией как наукой и хотели понять феномены. Позднее эта линия входит, наконец, в качественное социальное исследование, которое было разработано по преимуществу в Чикагской школе социологии, а также Джорджем Гербертом Мидом.

Духом романтики питается и вторая линия дискуссии, которая определена феноменологией Эдмунда Гуссерля. В социологии это особенно ярко показал Альфред Шюц, который после своей эмиграции в США обогатил социологическую дискуссию новыми плодотворными идеями. Корни этой дискуссии о роли гуманитарных наук, поднятой Дильтеем, уходят гораздо глубже, так как в ней выявлялись процессы мышления, в которых мы сами упорядочиваем мир. Смысл, на который Макс Вебер нацеливал социологию, понимается у Шюца как конструкция, и это порождает совершенно новый взгляд на социологические феномены. Теперь уже нет более действительности, а только множество индивидуальных конструкций реальности. Помимо этого, Питер Л. Бергер и Томас Лукманн сделали вывод, что реальность всегда является наброском, над которым индивиды постоянно работают, но они делают это теми средствами, которые им для этого предлагает общество. Поэтому они говорят также о «социальном конструировании реальности» (Berger u. Luckmann, 1966). Эта линия феноменологической социологии включает последние работы представителей символического интеракционизма. Важнейшими из них являются, несомненно, Эрвин Гоффман и Ансельм Страус.

В рамках феноменологического подхода появляется в 60-е годы в Соединенных штатах новая форма эмпирического исследования — этнометодология Гарольда Гарфинкеля. На ней я остановлюсь особо, так как она, хотя и мало примененная в эмпирическом социальном исследовании, использует эксперимент, чтобы показать, насколько тонок лед, по которому мы движемся в «нормальной» повседневности. Поэтому этнометодология заслуживает внимания при взгляде на теорию качественного социального исследования, ибо здесь обсуждается имплицитное предположение о близости этого рода социологии с опытом повседневности. Иными словами, речь идет о социологии, которая имеет шанс быть понятой также и не социологами. Это равным образом справедливо по отношению к Гоффману, которому я, к сожалению, не смогу здесь уделить заслуживаемого им внимания. Хотя он никогда не проявлял себя в теории качественного социального исследования, он показал образец наилучшего социологического наблюдения!¹

¹Введение в теорию Гоффмана и других феноменологических социологов излагается в работе: Abels (1997)

1. Романтическое мышление

Качественное социальное исследование опирается на традицию мышления, которое Гоулднер для разграничения с так называемым «классическим мышлением» обозначил как романтическое. С романтикой возник новый исторический интерес, направленный на изучение контекста Нового времени. В качестве движения интеллектуалов романтика была детищем просвещения, постольку она встала перед разрушением традиционных ценностей и увидела необходимость внести в поток действительности новый смысл. Это происходило двумя путями. Один продолжает романтическое стремление понять эту действительность как продолжающийся процесс, в котором феномены рассмотрены не более чем вещи — но вещи, полные собственного смысла, хотя со всех сторон открытые реальности. Георг Лукач поэтому по праву обозначил романтику как отказ от овеществления (Lukacs, 1923). Второй путь исходил из строгого требования просвещения обходиться собственным разумом. Это привело романтику к особой иронии: рассматривать вещи в иной перспективе и тем самым представить, какой она могла бы быть, будь она совершенно другой. Это также отказ от любого овеществления. Романтический метод мышления создал также основу диалектики Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и, главное, Карла Маркса. Размышление подобного рода было естественным образом связано также с предположением о том, что человеку принадлежит его мир.

Тогда вновь расцвело старое искусство, герменевтика. Посредством художественной интерпретации они хотели понять культурные свидетельства. Особенно интересной в связи с этим была выдвинутая Фридрихом Шлегелем гипотеза о том, что с помощью критической интерпретации из произведения можно вынести больше, чем хотел сказать автор. Тем самым была утверждена мысль о том, что феномен прячет такой глубинный слой, который возможно не осознается самим его творцом. Эту мысль, «понять автора лучше, чем он сам Себя понимает», Вильгельм Дильтей точно обозначил в конце XIX века как «последнюю цель герменевтического опыта» (Dilthey, 1900, S. 331). На фоне удивительных достижений естественных наук Дильтей набросал теорию гуманитарных наук, в качестве важнейшего метода и плодотворного результата которых он назвал понимание.

Из определения, что никакой феномен, никакое общество и никакой индивид не обладает превосходством над другим, и из желания постичь основу феноменов и при этом, возможно, обнаружить альтернативу нормальности, в романтике возник интерес к особенностям народов Дальнего Востока и к людям и группам в своей стране. Романтики открыли настоящий бум собирания всевозможных культурных документов. Собирая, например, сказки и песни, они осваивали первичные источники. В Германии, например, это были братья Якоб и Вильгельм Гримм, которые сумели записать и рассказать народные сказки, в России это был особенно почитаемый Якобом Гриммом А. Н. Афанасьев, чье собрание сказок и шуток считается самым обширным. Появился интерес к другим народам, причем их особенности понимались как самоценные свойства и альтернатива собственной нормальности. Стоя у дверей своего дома, романтики замечали детали маленькой и «простой» жизни; для них не было ничего неважного, ничего, что нельзя было бы *per se* оценить, все было интересно, и,

прежде всего, они любовались особенностями (яркий пример тому — гротеск). Гоулднер справедливо утверждал, что романтический плюрализм привел к «демократизации понятия данных»: каждый предмет является полным в себе миром (Gouldner, 1973, S. 197).

Из этого предположения возникло специфическое мышление, которое нашло воплощение в социологии конца XIX века и по сей день определяет немецкий вклад в качественное социальное исследование. Различия в вопросе и целях можно сформулировать так: в противоположность «классической» социологии, которая подчеркивает «всеобщую применимость господствующего масштаба, норм, ценностей или функциональных требований общества», «романтическая» социология выделяет «относительность, уникальность или исторически увязанный характер масштаба или потребностей любой группы или общества» (Gouldner, 1973, S. 206). В то время как социология видит мир как подчиняющийся внутри себя разумным закономерностям и потому констатирует нормальность индивидуального из действительности общих структур, романтическая социология исходит из непосредственно воспринимаемого внешнего явления, выделяет индивидуальное в его особенностях и отмечает его равнозначность и, наконец, реконструирует свою специфическую действительность из заданного анализа отдельного случая. Классическое мышление склоняется к структурализму, романтическое — к историзму. Для классического мышления в социологии — это, прежде всего, структурный функционализм, для романтического — феноменологическая социология, символический интеракционизм и этнометодология. Согласно теориям классической социологии, индивид получает свою идентичность благодаря добровольному усмотрению разумности общественных ролей, согласно теориям романтической социологии — главным образом, благодаря дистанции от них.

В центре классической социологии стоят порядок и устойчивые структуры, в центре романтической — однократность и процесс. Поэтому классическая социология стремится объяснить, а романтическая — понять. Классическая социология занимается эмпирическими исследованиями с помощью стандартизированных, объективных методов и через дедуктивные заключения приходит к знаниям; романтическая — открывает предмет интуитивно, она с фантазией выдумывает свои вопросы и творчески устанавливает методы. Последняя дифференциация касается роли исследователя. В то время как в классическом социальном исследовании ученый дистанцируется, рассматривается извне, нейтрально по отношению к своему предмету, а предмет изучается согласно твердым правилам и стандартизированными методами, в качественном исследовании он вступает в непосредственный контакт и погружается в жизненный мир (ср.: Gouldner, 1973, S. 198).

Он ставит вопросы, обозревая поле изнутри, но рассматривает его как самое возможное из всех необычных перспектив. Кеннет Бёрк назвал этот метод, который естественно напоминает об интересе романтиков к гротеску, «сдвигом перспектив». С этим часто связан иронический язык. Известнейшим примером в этом отношении является в американском языковом пространстве социология Ирвина Гоффмана, а в немецком — если иметь в виду совершенно другую цель познания, а не конкретные социальные исследования — социология Никласа Лумана. Способность включать возросшие перспективы амери-

канский социолог Райт Миллс обозначил как «социологическое воображение» (sociological imagination) (Mills, 1959, S. 41, 57; Abels, 1997).

В заключение можно сказать, что романтическое мышление стремится понять, в то время как классическое мышление в явной близости к строгости и успеху естественных наук пытается объяснить общество. Это различие устремлений в конце XIX столетия играло большую роль — прежде всего, в Германии. Дильтей видел цель естественных наук в объяснении объективных данных, цель гуманитарных наук — в понимании смысла культурных фактов. Метод гуманитарных наук — это интерпретация или герменевтика. Дильтей оказал огромное влияние на Макса Вебера, который определил социологию как понимающую науку, и особенно на Георга Зиммеля, для которого понимание означало «реконструкцию».

1.1 Вебер: понимание, идеальные типы, свобода от ценностей

Макс Вебер, как известно, определял социологию как науку, «которая хочет ясно понять социальное действие и тем самым в его протекании и его воздействиях дать причинное объяснение» (Weber, 1921, I, Kap. I, § 1). На первый взгляд, это высказывание точно описывает романтическое мышление, но здесь намечается и второе устремление современной социологии: она хочет также и объяснять. Это двойное стремление понять и объяснить определяет и качественное исследование: оно осуществимо, только если проводится тщательно. Это оно осуществляет на совершенно ином уровне, нежели классическая социология, с более тонким исследовательским восприятием и познанием, аналогичным изучаемому повседневному опыту. Если поэтому результаты качественного исследования оценены общественностью меньше, чем социологические знания, добытые с помощью стандартизированных способов, то дело здесь в том, что такое исследование часто ошутимо колеблет доверие к повседневному опыту. В большинстве своем оно сотрясает «сон мира», как однажды сказал Фрейд про свой психоанализ. К этому следует добавить веру в науку, которая у большинства людей, включая социологов, имеет обыкновение появляться лишь при наличии больших чисел.

Возвратимся — никоим образом не иронически — к краткому экскурсу в теорию Вебера и к его определению социологии как объясняющей науки. В этой социологии речь идет о смысле, которым связывается действие между индивидами. Это вопрос, который ставится точно так же, как в романтическом мышлении. Предположение о значении этого смысла требует, естественно, понимающего метода, но при этом ставится вопрос о том, как определить критерии, согласно которым «правильное» понимание становится вероятным. В связи с этим Макс Вебер вводит *«идеальный тип»* — инструмент, с помощью которого он предполагает творить социологию как понимающую науку. С помощью этого конструкта и создается мост между романтическим мышлением в чистой теории и конкретным социальным исследованием. Это становится понятным, если посмотреть, как Вебер получает идеальный тип.

Вебер точно подмечает, что идеальный тип никоим образом не может трактоваться как средний тип — он устанавливается с помощью мысленного эксперимента. Под абстракцией действительности мыслится модель, которая утвер-

ждается таким образом, что все явления, для анализа которых она была выстроена, могут быть осмысленно упорядочены в ней. Идеальные типы являются, следовательно, конструкциями, придуманными набросками, которые включают очень много предположений. Вебер говорит об «образах фантазии», которые, конечно же, никогда не обходятся без реально существующих «составных частей действительности» (Weber, 1906, S. 275). Творение мысли «объединяет определенные отношения и процессы (...) в один непротиворечивый в себе космос мыслимых взаимосвязей. Содержательно эта конструкция имеет характер утопии, которая достигается благодаря мысленному возвышению определенных элементов действительности» (Weber, 1904, S. 234). Идеальный тип объединяет богатство диффузных и дискретных, здесь более, там менее присутствующих, иногда вовсе отсутствующих отдельных явлений и сводит их в единый в себе мысленный образ». Этот образ понятийной чистоты эмпирически невозможно найти в реальной жизни. Он является наброском, теорией, в которой рассматривается каждый отдельный случай, «насколько близко или далеко отстоит действительность от того идеального образа» (Weber, 1904, S. 235). В современном качественном исследовании сказали бы, что точно так же создается структурное истолкование.

Опора Вебера на романтическое мышление очевидна и по другой причине. Вебер требует принципиальной ценностной свободы исследования. По-видимому, он связывает это с классическим мышлением. Но при этом он говорит, что перед началом исследования и после его завершения, а следовательно, при выборе предмета и оценке результатов, важна роль ученого и его оценок. Но они, в свою очередь, являются результатом культуры, в которой он живет. Поэтому при изменении культуры и сознательном решении исследователя поставить вопрос определенным образом, складываются новые перспективы. Это и есть причина, по которой социология Вебера принадлежит к наукам, которым дарована вечная молодость! (Weber, 1904, S. 252)

1.2 Зиммель: феномены преодолеваются на новом пути

Георг Зиммель также помещает методы понимания в центр социологии, но выдвигает при этом одно интересное положение, послужившее вызовом по отношению к остальным гуманитарным наукам. Это положение он ввел в круг центральных тем гуманитарных наук конца XIX столетия в Берлине. Там он сформировался как ученый и сделал первые шаги на академическом поприще. Разговор о чрезвычайном авторитете Зиммеля в университете и многочисленных спорах и столкновениях вокруг его персоны и его новой науки «социологии» я оставляю за пределами этой статьи. Установлено, что Дильтей критически поддерживал его как друг и своим позитивным отзывом составил ему партию в одной из частых контrovers.

Зиммель также принадлежит к традиции немецкой романтики. Так, уже в одном из ранних столкновений с немецким идеализмом он не принял ссылку на априорность ценностей. На примере отношений радости и страдания он оспаривает существование абсолютной величины и требует вместо этого «наблюдения фактических эмпирических отношений (...), из которых исходит оценка ее относительных ценностей» (Simmel, 1887, S. 19). В этой релятивизации цен-

ностей заключалось требование Зиммеля к гуманитарным наукам своего времени. Оно связывалось с его идеей о том, что человек «в своей полноте и во всех своих проявлениях определен тем, что живет во взаимодействии с другими людьми» (Simmel, 1908, S. 15). То, что здесь звучит достаточно безобидно, уже в его первом разъяснении стало поводом для частых нападок на него, так как он утверждал — ни много, ни мало — что «сумма познаний и моральные жизненные содержания» являются результатом взаимодействия между конкретными личностями. Это взаимодействие «сгущается» в «тело» и становится объективным — «это все — общество» (Simmel, 1890, S. 133). Говоря нынешним языком: ценности и нормы — продукты человека, и потому они действительны только для конкретного времени и только для конкретного пространства. Эта перспектива имела последствия. Хотя Зиммель понимал социологию как гуманитарную науку, он привел гуманитарные науки «к новому способу рассмотрения». Эта перспектива становится методом овладения феноменами на новом пути (Simmel, 1908, S. 15). Этим новым методом он заложил краеугольный камень для социологии, которая исследовала общество снизу.

Зиммель связал социологию с критической перспективой немецкой романтики. Его взор на общество характеризуется определенной дистанцией. Он описывает вещи так, как будто они могли быть совершенно иными. Ему принадлежит знаменитое рассуждение о чужих и их способности принимать участие в общественных событиях и, однако, быть не затронутыми ими. Он является в определенной мере основополагающим документом для ангажированного, основанного на конкретных социальных данностях исследования, и одновременно отмежевывается от интерпретирующего анализа. Этот взгляд, одновременно сохраняющий дистанцию и близость, является типичным для ведущей социологической школы начала XX века — Чикагской школы социологии.²

1.3 Чикагская школа социологии

Чикагская школа социологии является местом, откуда взяло свое начало качественное социальное исследование. Предложенная там теория и тот дух, который наполнял исследования социальной действительности, сложились явно под влиянием романтического мышления. Известнейшими социологами были тогда Альбион У. Смолл, основатель факультета социологии и первого социологического журнала «*American Journal of Sociology*» (1895) («Американский журнал социологии»), Роберт Эзра Парк и Уильям Исаак Томас. На соседнем факультете Джордж Герберт Мид заведовал кафедрой философии и социальной психологии. К тесному кругу социологов несколько лет примыкал Флориан Знанецкий из Польши, которого Уильям Томас пригласил в 1914 г. для участия в большом исследовании польских крестьян в Европе и Америке (Thomas & Znaniecki (1918-1920): *The polish peasant in Europe and America*). Выдающимся социологом второго поколения был тогда Герберт Блумер. Смолл, Томас, Мид и Парк долгое время учились в Берлине, где преподавал Дильтей. Мид хотел

² К истории Чикагской школы социологии см.: Blumer (1984): *The Chicago School of Sociology*

даже защитить диссертацию у Дильтея. На тезис Зиммеля о взаимодействии как строении общества прямо указывает, прежде всего, положение Мида о взаимном принятии ролей, согласно которому одновременно возникают идентичность и «обобщенный другой» («generalized other»). Символический интеракционизм в определении Блумера довольно точно соответствует взаимодействию, которое Зиммель описал на примере денег. У него это сформулировано следующим образом: «Чем больше людей вступает друг с другом в отношения, тем более абстрактным и общим должно быть средство обмена; и наоборот, если однажды такое средство обмена создано, то оно допускает соглашение на расстоянии, которое в ином случае было бы непреодолимым, соприкосновение разных личностей в одном и том же действии, взаимодействие и унификацию людей» (Simmel, 1900, S. 470). Следует лишь слово деньги заменить словом символ, и станет видно, как размышлял Блумер.

Можно предположить, что на Мида оказал влияние и немецкий психолог Вильгельм Вундт, у которого Мид тоже учился некоторое время. В качестве профессора философии университета Лейпцига Вундт руководил первой психологической лабораторией. Он создал социальную психологию, которая через символический материал искусства, религии, права, мифа и т. д. воссоздавала психическое развитие индивида и культурное развитие групп.

Мид привнес в Чикаго и другую «романтическую» мысль — мысль об идентичности как процессе. Согласно этой мысли, идентичность является постоянным процессом, в котором индивид видит себя глазами другого, вновь и вновь образуя из своих реакций образ самого себя. Этот процесс оставляет следы не только в этом индивиде, но и в других и, следовательно, в объектах опытного мира. Наиболее глубоко эту мысль развили социологи Ансельм Страусс (Strauss, 1959) и Ирвин Гоффман (Goffman, 1959). Они выразительно описали изменчивость идентичности и ее представление в зависимости от обстоятельств и публики. Страусс, а затем также Бергер и Лукманн показали, помимо этого, что идентичность на протяжении человеческой жизни подвергается изменениям. Само прошлое не устойчиво, а ретроспективно интерпретируется в зависимости от обстоятельств, пока оно не будет соответствовать сегодняшнему Я. Вероятно, один из самых неожиданных результатов биографического исследования состоял в том, что рассказчики обращаются со своим прошлым как с текстом, который они каждый раз переписывают заново.

Чикагская школа была знаменитой не только своими теоретическими работами, но и методами своих эмпирических исследований. Типично романтическим стремлением этого социального исследования было точное наблюдение важных и второстепенных вещей. Как писал Парк, он занимался социологией «как бы обнюхивая все вокруг» («just nosing around»), то есть он совал свой нос повсюду и, подобно любопытному репортеру, наблюдал, регистрировал все и разрабатывал свои теории, анализируя вещи, которые бросались ему в глаза. Типично романтическим было у Парка и прямо выраженное предположение, что феномены даны нам лишь поверхностно, что они функционируют среди структур, которые могут быть открыты только пониманию. Парком выдвинуто предположение о том, что маска является «нашей истинной самостью» (true self) (Park, 1926, S. 250). Этим положением позднее Ирвин Гоффман начнет свое знаменитое исследование «Представление себя в повседневной жизни»

(«The presentation of self in everyday life». 1959). Жизнь — это актерская игра, и социология — такая наука, которая рассматривает и описывает эту игру во всех ее гранях, и, что важнее всего, пытается понять. Понять означает смотреть из-за кулис. Качественное исследование есть подходящий для этого метод.

Самое знаменитое качественное исследование Чикагской школы — это исследование Томаса и Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» («The polish peasant in Europe and America». 1918-1920). Оно содержало анализ сотен биографических документов, в том числе писем, дневников и автобиографий польских переселенцев в Чикаго. Эти переселенцы с первого дня своей жизни в Америке враждовали с анонимной и стандартизированной индустриальной культурой. Письма, которые они писали своим родственникам на родину, были свидетельствами разрыва с родной почвой в новой стране и тоски по утраченной безопасности. Это большое исследование показало, что адаптация является в первую очередь групповой проблемой. Конкретно это означало, что польские переселенцы в той мере теряли свои ориентации, в какой размывались их первичные группы, и что они добивались своей социальной идентичности в той мере, в какой они сплывались в социальные группы, которые компенсировали им часть родины и некоторую защищенность. Этот опыт совместной игры с социальной реальностью и индивидуальным сознанием привел Томаса и Знанецкого к предположению, что индивид и общество всегда соотносимы друг с другом. Одно немислимо без другого, и одно обуславливает другое. Основываясь на этом предположении, Томас сформулировал позднее свою знаменитую теорему, которая гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то следствия этих ситуаций также реальны» (Thomas, 1928, S. 114). Как человек конструирует свою «действительность», такой она и становится впоследствии, и, наоборот, следуя Эмилю Дюркгейму: каковы социальные факты, таковы и действия людей.

Достоинством первых работ Чикагской школы социологии в этой области является следующее. Это качественное исследование понималось тогда как социальная реформа. Критический анализ конкретного жизненного положения, например, рабочих из аграрной Польши, служил осуществлению социально-политических и культурных мероприятий, которые дали бы этим людям ориентации и поддержку.

Примером ценности качественного исследования, которое учитывало взаимосвязь структур и в котором впервые и совершенно новыми методами было обнаружено нечто совсем иное, были, конечно, исследования Западной электрической компании в Хоторне близ Чикаго, проведенные Фрицем Д. Ретлисбергером и Уильямом Дж. Диксоном под руководством Элтона Мэйо³. Это исследование, проводившееся между 1927 и 1933 годами и опубликованное в 1939 г. под названием «Менеджмент и рабочий» («Management and the worker»), имеет для истории качественного социального исследования такое большое значение, потому что оно было наполнено совершенно иным духом и соответствен-

³ Краткий обзор этого научного проекта и его значения для качественного социального исследования имеется у Розенштиля. См.: von Rosenstiel (1991); Fritz J. Roethlisberger & William J. Dicksons: «Management and the worker».

но было по-иному методически и концептуально выстроено. Предприятие, на котором было проведено исследование, ориентировалось на основные положения «научного управления» («scientific management»), разработанные Фредериком Тейлором. Поэтому задачей исследователей было выяснение путей повышения производительности труда. Они исходили из того, что главную роль играет высокая аккордная оплата труда. На первом этапе исследователи провели стандартизированный опрос и эксперименты по изменению условий труда. Так как результаты исследования были противоречивы или мало показательны, ученые обратились к точному наблюдению трудового поведения. Первым делом, провели интервью, в которых не ставилось никаких прямых вопросов, и рабочие просто рассказывали. Интервью, по возможности, точно записывались. Особо интересной была работа одного из исследователей — Карла Роджерса, позднее развившего в психологии недирективную разговорную терапию. Открытые интервью дали неожиданный результат: решающую роль играют не деньги, а человеческие отношения. Среди рабочих существовало молчаливое согласие по поводу подходящего темпа работы, и ученые обнаружили, что, когда они обращали внимание на процесс труда, достижения рабочих возрастали. Все это доказало наличие глубинных структур установки на труд, которые никогда не проявлялись в стандартизированных опросах.

Последний значительный труд, о котором следует упомянуть — это вышедшее в 1930 г. исследование «Джек-Роллер» («Jack-Roller») Клиффорда Р. Шоу (Shaw, Clifford R., 1930). В этом исследовании описывается примерно 200 сходных случаев молодежных правонарушений, которые Шоу проследил за много лет. С помощью «личных документов» он наделяет Джека-Роллера голосом. Он позволяет этому юноше снова и снова рассказывать «свою историю». Таким образом, возникает жизненная история, которая становится понятной сама по себе, и социальные работники и служители порядка имеют возможность познаться с жизненными условиями, в которых возникают криминальные карьеры. Интересно в этом исследовании то, что оно получает результаты путем наблюдения и автобиографических сообщений.⁴ На поставленный в биографическом исследовании вопрос, насколько истинно то, что субъект рассказывает о себе, Шоу не раз отвечал, что когда он оценивал данные о молодежных правонарушителях и свидетельства о них работников правоохранительных органов, он проверял, насколько наблюдаемое поведение соответствует повседневным объяснениям.

1.4 Новое начало

Примерно в конце 30-х годов это дорогостоящее социальное исследование отошло на задний план. Продолжение биографического метода состоялось лишь в Польше, где после возвращения Знанецкого получило развитие биографическое исследование, в котором с 1945 г. было собрано почти 300000 автобиографий (Kohli, 1981, S. 286). Одновременно в США развивается «большая тео-

⁴ Хорошее введение в историю биографического исследования предлагает Фукс (Fuchs, 1984, S. 95—190); Обзор некоторых классических исследований см.: "Handbuch Qualitative Sozialforschung" von Flick и. а. (Hg.) (1991).

рия» Толкотта Парсонса, которая также может считаться образцом классического мышления. Лишь в 70-е годы качественное исследование вступило в новую фазу. К этому добавился интерес к истории — к той истории, которая могла быть воспроизведена современниками. Интерес к «устной истории» (oral history) оживил герменевтические методы, которые с тех пор начали применяться в исторической науке и глубоко повлияли на качественное исследование. Во многих странах начался настоящий бум на биографические исследования. В течение нескольких лет было основано несколько журналов, например, в Англии «Oral History» («Устная история», 1972), в США «Qualitative Sociology» («Качественная социология», 1978) и «International Journal of Oral History» («Международный журнал устной истории», 1980), в Испании «Historia y fuente oral» («История и устные источники», 1988) или в Германии журнал биографического исследования и устной истории под названием «BIOS» («БИОС», 1988). Новый интерес к качественному исследованию и к рассказанной истории решающим образом был связан с новой перспективой социологии, которая может быть обозначена как феноменологическая социология.

Таким образом я перехожу ко второй линии дискуссии, которая определила новейшие теории качественного исследования. При этом я сосредоточусь сперва на феноменологическом методе Альфреда Шюца, так как этот метод помогает увидеть особенности качественного социального исследования наших дней.

2. Феноменологическая социология

Феноменологическая социология берет свое начало от немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Ее сегодняшнее основание заложено Альфредом Шюцем. Я сказал «заложено», так как Шюц оставил лишь несколько систематических статей и многочисленные наброски. Шюц был еврейского происхождения и эмигрировал в 1938 г. в США. Своим авторитетом там он почти исключительно обязан своему учению, в котором он оспаривает основное положение Вебера о понимании смысла, а также философский прагматизм Уильяма Джеймса и социальную психологию Джорджа Герберта Мида. Своей манерой рассматривать феномены, как они формируются и используются людьми, он привлек учеников, которые позднее должны были сами представить понимающую социологию. Его главными учениками были, без сомнения, Питер Л. Бергер, Томас Лукманн и Гарольд Гарфинкель.

Феноменологическая социология после Шюца, образует вторую линию развития новейшей истории качественного исследования, наряду с первой линией, идущей от немецкой романтики через Дильтея и Зиммеля до Чикагской школы социологии и вытекающей отсюда теории символического интеракционизма. Мостом между старой дискуссией и новым началом качественного исследования стал, до известной степени, символический интеракционизм.

Если выразить притязания феноменологического метода в одной фразе, то можно сказать: они направлены на исследование повседневного жизненного мира, который люди создали и интерпретируют своими действиями. Одновременно я покажу, что эта вторая линия развития также отличается от романтического мышления. Это отличие выражено, прежде всего, в феноменологичес-

кой социологии знания Бергера и Лукманна (Berger u. Luckmann, 1966). Она стала чем-то вроде базисной теории о том, что единой реальности нет, а есть много реальностей, и что за феноменами стоят структурные контексты, совершенно не осознанные действующими лицами. С этим предположением, освещенным в последней части данной статьи, связана теория, приводящая к конкретному эмпирическому исследованию — этнометодологии, основанной Гарольдом Гарфинкелем. Но сначала я хотел бы кратко обрисовать основные положения феноменологической социологии Альфреда Шюца.

2.1 Вопрос о центральном для Вебера понятии смысла

После того как Шюц, по его признанию, многие годы интенсивно изучал теоретические сочинения Вебера, он пришел к убеждению, что веберовская постановка вопроса хотя и определила окончательно исходный пункт любой настоящей теории социальных наук, но «его анализ еще не привел к тому глубинному слою, в котором только и могут быть разрешены многие важные задачи, которые ставит метод гуманитарных наук» (Schutz, 1932, S. 9). Вебер недостаточно эксплицировал основную тематику социальных наук и своих понимающих методов. Поэтому необходимы были более глубокие размышления, прежде всего, о центральном веберовском понятии субъективного смысла. Одно из самых знаменитых социологических определений потребовало проверки — почему социальным действием следует называть такое действие, «которое относится к поведению других согласно предполагаемому действующим или действующими смыслу и ориентировано на это поведение в своем протекании» (Weber, 1921, I, Kap. I, § 1).

Что есть смысл? Вебер предполагает его как очевидный. Вместе с тем, смысл является целью социального действия. Критически говоря: согласно мнению Шюца, Вебер прекращает анализ социального мира слишком рано, не вопрошая о том, как все же конституируется смысл. Шюц стремится осознать лишь смысловую структуру социального мира, сводя конституирование смысла к пассивным процессам, посредством которых в нас накапливаются переживания. Он пытается выяснить, как эти переживания с помощью работы сознания превращаются в опыт, которым мы конституируем действительность. Применив феноменологический метод, Шюц ответил на основополагающий вопрос социологии — как люди распоряжаются действительностью, в которой они совместно живут.

2.2 Феноменология и жизненный мир

Основатель феноменологической философии Эдмунд Гуссерль установил, что любое объективное образование смысла исходит от познающего субъекта. Поэтому в феноменологии речь не идет о мире в себе, а лишь о мире, с которым устанавливается связь человека в его сознании. Мировой опыт индивида является частью его опыта жить в мире с другими. Это мир доверия, который, по-видимому, открыт нам без вопросов. Это само собой разумеющийся предпосылаемый мир смыслового опыта Гуссерль называет жизненным миром. Этот мир прост, утверждается сам собой и кажется, не требует никакого дальней-

шего объяснения. Мы обладаем по отношению к нему естественной установкой, которая на удивление беспроблемна. По словам Шюца, это была та мысль, которая более всего интересовала его в феноменологии Гуссерля (von Baeyer, 1971, Bd. III, S. 10). Естественная установка не отрефлексирована и подтверждается рутинной одинаковостью. Жизненный мир есть не вопрошаемая действительность.

У Гуссерля Шюц берет только понятие жизненного мира и связывает его с притязаниями понимающей социологии Вебера, описывая «основные структуры (...) само собой разумеющейся действительности» (Schutz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 23). Здесь заключен вопрос — как находит человек свой подход к этой реальности. Это вопрос об осознании мира и о возникновении опыта. Ответ можно предвосхитить: феноменологическая социология показывает, как в сознании конституируется мир и как человек его конструирует. Смысловая структура мира есть одновременно конституция и конструкция. Это двойное значение понятия структуры становится ясным, если мы представим, как мы вступаем в контакт с миром. Мы просто переживаем его, не пытаясь о нем размышлять. Эти переживания накапливаются. Если всплывает новая ситуация, в которой вспоминается первое переживание, возникает опыт. Опыт есть предпонятие всех «рефлексивных обращений» Я к своим «текущим переживаниям» (Schutz, 1932, S. 104). Я вступает в действие лишь в тот момент, когда мы говорим о сознании. Опыт не только сохраняется, но обобщается при сопоставлении его с другим опытом. Лишь тогда он обретает смысл. Смысл указывает на нечто такое, что находится вне феноменов.

Анализ конституирования реальности в нашем сознании показывает, что она уже со времени первого сравнения одного опыта с другим является конструкцией.⁵ Мы соотносим наш первый опыт, конечно, не с бесчисленными другими опытами, а только с совершенно определенным. Это зависит от индивидуальной подоплеку сознания, которая складывается у индивида к этому времени. Сопоставление одного опыта с другим кристаллизуется в качестве определенного порядка. Но не все переживания осознаются, сопоставляются лишь вполне определенные переживания и в связи с совершенно определенным другим опытом. Так жизненно исторически возникает субъективная релевантности система.

Опыты направлены не на прошлое, а на будущее, порождая типичное ожидание из типичного опыта. Ожидание является чем-то вроде предвоспоминания о действии, которое сложилось в будущем. Шюц назвал это предвоспоминание *проектом* (Schütz, 1932, S. 77f.).

2.3 Типизации

Вернемся к естественной установке, с которой встречаем действительность повседневного мира. Структуру этого мышления Шюц описывает так: «Каждый шаг моего истолкования мира основывается на запасе раннего опыта: как моего собственного непосредственного опыта, так и данного мне моими сопле-

⁵ Строго говоря, конституция и конструкция осуществляются одновременно.

менниками, прежде всего, моими родителями, учителями и т. д. Все эти соощенные и непосредственные опыты включаются в определенное единство в форме моего запаса знаний, который мне служит в качестве направляющей схемы для соответствующих шагов моего истолкования мира. Все мои опыты в жизненном мире связаны с этой схемой, так что предметы и события в нем встречаются мне с самого начала в своей типичности» (Schütz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 26).

Типизация есть создание смысловой взаимосвязи. Типизации упорядочивают новую реальность и превращают ее в доверяемую действительность. Тип редуцирует всю полноту значений, которую могут иметь вещи, к значению, которое наполняет смыслом мое актуальное действие. Формой «получения осадка типичных схем опыта, которые в обществе типично релевантны», является язык (Schütz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 233). В языке объективированы все возможные типизации жизненного мира. Это является основанием того, почему в феноменологической социологии языку уделяется такое внимание. В языке общества мы становимся взрослыми. Через него опосредуются «нормальные» типизации. Поэтому я, разумеется, исхожу здесь из того, что моя типизация соответствует типизации, которую принимают другие. Через язык я участвую в общественном запасе знания, в котором накапливается типичное знание.

2.4 Идеализации

Жизненный мир не просто находится здесь. Хотя в естественной установке мы полагаем, что он само собой разумеющийся и поэтому не должен особенно обдумываться. В действительности, жизненный мир постоянно нами интерпретируется. Наше сознание находится непрерывно в отношении к нему. Мы замечаем это, конечно, лишь тогда, когда разрушается рутина. Но пока все течет как прежде, истолкование нашей повседневности идет незаметно и по хорошо известному пути. Объяснить это можно тем, что опыт в нашем запасе знания складывается как схема. Поэтому любое истолкование мира является интерпретацией согласно известным правилам: «Я верю в то, что мир, как он мне до сих пор известен, остается таким и дальше и формируется, следовательно, из моего собственного опыта, а накопленное соплеменниками богатство знания сохраняет далее свою принципиальную подлинность» (Schütz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 26). Эту идеализацию Шюц вслед за Гуссерлем называет идеализацией «и так далее» («*Und so weiter*»). Из этого «и так далее» следует «дальнейшее принципиальное предположение о том, что я могу повторять мои прежние успешные действия до тех пор, пока структура мира может приниматься в качестве константной, пока значим мой пред-опыт, моя возможность воздействовать на мир тем или иным образом остается принципиально неизменной» (Schütz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 26). Эту идеализацию, которая формируется в корреляции с первой идеализацией, Гуссерль назвал идеализацией «я могу снова и снова». Это естественная установка состоит в том, что я могу типично поступать среди сходных условий. Так выявляются два объяснения возможности нашего действия. Остается вопрос, как мы можем действовать совместно с другими. Здесь, следовательно, проявляется тема Вебера — «социальное действие».

2.5 Социальная структура жизненного мира

На вопрос, как функционирует социальное действие, Шюц дает ответ, который исходит из интерсубъективной конституции жизненного мира. В жизненном мире я подчиняюсь тому, что другие видят мир в принципе так же, как и я. Это положение Шюц называет *основным тезисом взаимных перспектив* (*Generalthese der wechselseitigen Perspektiven*) (Schütz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 74). В этом центральном тезисе объединены две идеализации: во-первых, идеализация обмениваемости точками зрения (*Vertauschbarkeit der Standpunkte*), и, во-вторых, идеализация конгруэнтности систем релевантности (*Kongruenz der Relevanzsysteme*). В первой идеализации я предполагаю, что, в том случае, если другой стоял бы на моем месте, он видел бы вещи также как и я, и я бы также видел вещи в той же перспективе, как и он, если бы я стоял на его месте. Во второй идеализации я предполагаю, что различия в понимании и истолковании мира, которые вытекают из индивидуальных биографий, в принципе иррелевантны. Мы действуем и понимаем себя так, как будто мы судим о вещах по одинаковым критериям. Оба предположения делают нас уверенными, что другой будет действовать так же, как мы это знаем из собственного опыта, и доказательство противоположного также соответствует этому.

2.6 Временная и смысловая структура действия

Определенность действия связана также с временной и смысловой структурой действий. Чтобы понять эту взаимосвязь, Шюц различает действие (*Handeln*) и действовање (*Handlung*) (Schütz, 1932, S. 77). Действие есть процесс, в котором нечто осуществляется, действовање (поступок) является результатом этого процесса. Действие всегда скрывает в себе будущее, а действовање — всегда прошлое. Действие всегда предшествует действованию. С точки зрения социологии важно, что действие как процесс обнаруживает временную структуру, в которой оно мыслится как первое, а в качестве последнего мыслится действовање. Согласно этому тезису, перед тем, как будем действовать, мы должны иметь представление о результате действия, следовательно, о действовании. Эту проецирующую действовање временную перспективу Шюц называет «Думать значит уточнять будущее» («*Denken modo futuri exacti*») (Schütz, 1932, S. 81.).

Перейдем теперь ко второй структуре нормального действия, смысловой структуре. Действие между субъектами происходит, если имеется молчаливое предположение о его мотивах. Шюц различает два мотива: первый он называет «чтобы-мотив» («*Um-zu-Motiv*»), второй — «так как-мотив» («*Weil-Motiv*») (Schütz, 1932, S. 115 и S. 122; ср. также: Schütz u. Luckmann, 1975, Bd. I, S. 209ff. и S. 216ff.). Первый относится к проекту действия, второй — к биографической обусловленности установки действовать. Как уже было показано, действие всегда направлено на результат действования, который мыслится как проект и управляет нашим действием. Каждый шаг действия делается, чтобы достичь чего-либо определенного. Чтобы-мотивация относится к будущему. С другой стороны, мы также знаем, что наше действие имеет предысторию. Опыт накапливался, создавая определенную субъективную релевантную структуру.

Поэтому мы действуем не просто так, а в силу определенных оснований, так как мотивация относится к прошлому.

Эту направленность феноменологической социологии на действие в повседневности можно, вероятно, описать следующим образом: понимание в повседневности есть понимание мотива: повседневно действующий стремится «под практическим давлением действующего по возможности точно и быстро угадать намерения и местонахождение участника интеракции или смысл знаковой объективации интенций» (Oevermann и. а., 1979, S. 386). Мотивы берутся, естественно, из области имеющегося типичного опыта. «Созданная гипотеза наделяет нас рысьими глазами для всего, подтверждающего ее, и делает нас слепыми для всего, ей противоречащего», — значит у Шопенгауэра (Schopenhauer, 1844, 2. Band. Ergänzungen zum Zweiten Buch, §19, S. 252f.).

2.7 Социальное конструирование реальности

Предположения Шюца о конституировании и конструировании мира и о естественной установке на жизненный мир продолжили его ученики Питер Л. Бергер и Томас Лукманн. Они выдвинули тезис о том, что предуготовленное в обществе знание изображает порядок. Общество определяет это тем, «что каждый знает» действительность, в которую мы с рождения вступаем и в которой мы, размышляя и действуя, движемся до самой смерти. Поэтому Бергер и Лукманн говорят также о «социальном конструировании реальности». Порядок принимается членами общества как само собой разумеющийся. Важнейший инструмент этого посредничества в конструировании реальности есть язык.

Общественный порядок — это результат действия людей. Действования, которые оказались успешными и целесообразными, наполняются рутинными действиями. Мышление, сопровождающее это действие в повседневности, характеризуется типизациями самопонимания. Это самопонимание латентно. Оно и является областью интереса эмпирического социального исследования. Феноменологический анализ хочет слой за слоем вскрыть процесс упорядочивания действительности человеком. Отсюда вырастает стремление исследовать действие в «совершенно нормальной повседневности». В этом и состоит задача этнометодологии. Прежде, чем я подойду к этой теории повседневного действия и соответствующего качественного исследования, я хочу кратко заключить, какие претензии к качественному исследованию вытекают из теперешних размышлений.

3. Претензии к качественному исследованию

Против социального исследования, которое проводится стандартизированными методами, например, интервью, или занимается также опросом, обычно возражают, что получаемые знания зачастую имеют слишком общий характер, индивидуальные мотивы не раскрываются и развертывание мысли в мышлении и действии почти не рассматривается. В отличие от него, в качественном

исследовании внимание направляется на индивидуальное и структурное начала каждого отдельного случая. Ибо цель состоит в том, чтобы понять каждый отдельный случай из самого себя. Это, естественно, ведет к запрету работать с заранее готовыми гипотезами. Напротив, интерпретативное качественное исследование стремится сформировать теорию из каждого отдельного случая. Теория укоренена в конкретных условиях, среди которых относящиеся к ним лица думают и действуют. Глэйзер и Страусс обозначили этот вид обоснования теории как *grounded theory*. Она возникает из описания индивидами жизненного мира и среды, и реконструирует стратегии, которые выбирают представители культурного окружения, чтобы обеспечить свою идентичность, свою общность с другими и свое отличие от других. Она показывает символические значения, которые люди придают своим действиям и объективным условиям своей жизни. Внимание к отдельным случаям дает возможность обнаружить теоретические взаимосвязи. Поэтому этот открывающий метод качественного исследования предлагается именно для новых ситуаций и критических ситуаций. Эта эксплоративная (объяснительная) функция качественного исследования в обоснование теории охотно выдвигается как собственное достижение. Качественное исследование имеет преимущество перед количественным, так как его теории ближе к конкретным индивидам и ближе к структурам их мышления и действия. Они дают объяснения из существа дела.

Метод, которым получают знания, можно назвать «аналитической индукцией». Это понятие Знанецкого и Линдесмита напоминает, конечно, о Дильтее, для которого «логическая сторона понимания состояла во взаимодействии индукции, применения общих истин в особом случае и сравнительного метода» (Dilthey, 1900, S. 330). Процесс получения теоретических знаний нужно конкретно представить себе так. Исследователь начинает не со статистически обработанной выборки, но исходит из отдельного случая, который тщательно анализируется. На основе формирующейся отсюда теории ищут другие случаи, на которых могут быть критически проверены имеющиеся знания. Эту поисковую стратегию Глэйзер и Страусс обозначают как теоретическую выборку (Glaser u. Strauss, 1967). При этом ищут отдельные случаи, которые были бы сходными с первым (минимальное сравнение) или явно отличались бы от него (максимальный контраст). Эта вторая стратегия служит для того, чтобы критически проверить теоретические знания. Таким образом, теоретическое знание постепенно выстраивается из глубокого знания отдельных случаев. Теория развивается, следовательно, как поисковый процесс и чутко реагирует на особенности поля. Если на этом пути больше не встречается ни одного случая, который противоречил бы сумме всего полученного знания или не расширил бы выстроенную до этого типологию, теоретическое знание может предварительно считаться надежными. По мере интерпретации отдельных случаев может возникать стремление обнаружить структуру самой интерпретации, которая действительно для всех случаев.

Описанное Мидом конституирование интеракции и общества, вытекающее из способности человека представить себя в ситуации другого, конститутивно для социального исследования, которое пытается обнаружить внутреннее зрение соучастников. Это означает также, что они признаются субъектами, чей субъективный смысл приемлем в силу этого признания. В ходе признания соб-

ственного достоинства рос интерес к тем социальным группам, на которые ранее почти не обращали внимания. Качественное исследование понималось как социология «корней» (grass root-Soziologie). Это начинание переняло позднее историческое исследование, описывая «историю снизу», например, с помощью метода устной истории. Допущение субъективно понятого смысла субъекта должно было расширить теоретическую перспективу исследователя. Социальная и политическая вовлеченность исследователей выросла из этого понимания социального.

Феноменологическая социология Шюца наметила профиль проблематики качественного исследования. Особенно это касается выявленных им идеализаций, с помощью которых индивиды конституируют и конструируют свой мир. Вопрос о глубинных структурах образования типов, важный для качественного исследования, вытекает из идеализаций «и так далее» и «я могу снова и снова», которые делают надежным отношение индивида к своему миру. Соответствующие темы — это биография, образец схемы толкования и определение ситуации. В идеализации обменяемости точками зрения и конгруэнтности систем релевантности, которые дают действующим лицам гарантию совместных действий, для качественного социального исследования встает вопрос о принципе конструирования конкретного действия. Все это — тема этнометодологии, которая понимается как теория повседневного действия и строит свою теорию в тесной связи с необычным методом качественного социального исследования.

4. Этнометодологическое экспериментирование с кризисной ситуацией

Метод эксперимента в традиционном эмпирическом социальном исследовании применяется довольно редко, и качественное социальное исследование сталкивается с возражениями, вызванными попыткой побудить личность к определенным действиям среди искусственно созданных условий. Возражения идут в двух направлениях: во-первых, нельзя отрицать, что каждый повод к действию среди условий, заданных извне, представляет собой манипуляцию, во-вторых, любой эксперимент разрушает рутину повседневности. В первом случае ставится вопрос, насколько серьезен причиняемый субъекту вред. Во втором случае появляется вопрос об ответственности за последствия возникновения у субъекта конфронтации альтернатив мышления и действия.

У американского социолога Гарольда Гарфинкеля, который, как и Питер Л. Бергер и Томас Лукманн, был учеником Альфреда Шюца, этих сомнений не было. На первый взгляд, казалось, что такие сомнения не могут возникнуть, так как речь идет об эксперименте, который совершенно нормально воспринимается в нашей повседневности и скорее напоминает безобидное шутовство, нежели серьезное социальное исследование. Именно в таких экспериментах можно выявить новые интересы качественного социального исследования, которые нацелены на открытие глубинных структур, показывая, как тонок лед, по которому мы движемся в нашей повседневности. Можно также предположить, что эксперимент Гарфинкеля был направлен на то, чтобы сделать нас немного сознательнее и освободить от неожиданностей. О чем же шла речь в этих экспериментах? Гарфинкеля интересовал вопрос, как функционирует дей-

ствии в повседневности. Интерес к социальной реальности повседневности связывает его с ранним качественным исследованием Чикагской школы, с феноменологической социологией, как она, представлена, например, Бергером и Лукманном, а также с теориями, берущими начало в символическом интеракционизме. Особое значение имеют работы Ирвина Гоффмана. Отличие метода Гарфинкеля в том, что он экспериментально вмешался в эту социальную реальность повседневности, нарушил рутину и тем самым применил к ней методы, которыми мы обычно воспроизводим нормальный порядок вещей. Теорию, из которой он вывел необычную форму качественного социального исследования, он назвал этнометодологией.

4.1 Конституирование и методическое конструирование повседневности

Каковы основные положения этнометодологии? Предполагается, что члены общества исходят из общего для них запаса знаний. Само собой разумеющейся предпосылкой для всех участвующих в интеракции служит наличие вещей, «которые знает каждый». Они опосредствуются нами в процессе социализации, и мы применяем их как схему общей для нас реальности. Эта действительность, таким образом, постоянно конституируется. Она — реальность в процессе исполнения.

Благодаря общему запасу знания мы взаимно выявляем смысл нашего действия. Это происходит не случайно, при этом в повседневности мы применяем, сознательно или бессознательно, определенные методы, которыми каждодневно конструируем этот мир совместно с другими. Так как эти методы типичны для общества или этнической группы, мы как само собой разумеющееся принимаем то, что мы понимаем других и верим поэтому, что другие также понимают нас.

4.2 Почему мы в повседневности верим, что понимаем друг друга: идеализации

Каждый член общества действует методично. Этот тезис может удивить, так как мы отнюдь не считаем некоторые действия рациональными. Однако в этнометодологии речь идет о другом: «Этнометодологам интересно не то, почему люди совершают некоторые действия, а как они это делают» (Weingarten и. Sack, 1976, S. 13.). Здесь встает вопрос, как мы вообще можем действовать, и почему мы полагаем, что мы понимаем друг друга в повседневности. Предлагается множество объяснений. Я назову четыре, каждое из которых представляет лишь аспект единого смыслового конструирования социальной действительности.

Два первых объяснения — это названные Шюцем идеализации «и так далее» (идеализация последовательности) и «я могу снова и снова» (идеализация повторяемости). Поскольку в мире повседневности нет никаких неожиданностей, мы молчаливо доверяем тому, что все в принципе продолжает идти так, как шло до сих пор, и в будущем мы в принципе можем действовать так, как действовали всегда. Третье объяснение, почему мы считаем само собой разумеющимся, что мы можем понимать других, а они нас, связано с представлением

ным Шюцем *основным тезисом взаимной перспективы (Generalthese der wechselseitigen Perspektiven)*. Он включает обе идеализации «обмениваемости точками зрения» и «конгруэнтности систем релевантности». Тем самым допускается, что я (ego) и другой (alter), в сущности, живут в одинаковой системе релевантности, которая основывается на совместном запасе знания и одинаковой социализации в обществе. Доверяя выполнению этих конститутивных ожиданий, люди вступают в отношения друг с другом.

Идеализации «и так далее» и «я могу снова и снова» делают нас как индивидов уверенными в ожиданиях в наших действиях. Идеализации обмениваемости точками зрения и конгруэнтности систем релевантности дают нам уверенность в совместных действиях с другими. Гарфинкель наряду с этими идеализациями социальности выделяет еще одну: то, что знает каждый, является настоящей основой действия в реальном социальном мире (Garfinkel, 1963, S. 228). Это четвертое объяснение того, почему мы в повседневности полагаем, что мы понимаем друг друга. Мы оставляем «типичное» знание и применяем эту идеализацию как практическую теорию в повседневности.

4.3 Проект практических теорий в повседневности

Мышление в повседневности есть «мышление в естественной установке». Оно питается из своего опыта и из опыта, который общество предоставляет нам как типичный. Наше мышление руководствуется практикой, типичная форма которой нами усвоена уже давно, и результат которой мы предвидим почти наверняка. Этот метод упорядочения нового в известный образец принадлежит к так называемым практическим теориям, которыми мы объясняем повседневность и систематизируем ее друг для друга. Естественно, эти практические теории оказывают влияние также на социальное действие, и здесь Гарфинкель думает совершенно иначе, чем Толкотт Парсонс (у которого он, впрочем, защитил докторскую диссертацию). Согласно Парсонсу, действие происходит практически во исполнение общих норм и ценностей. Гарфинкель, напротив, говорит, что только мы конструируем друг для друга совместную действительность, в которой связь ценностей и норм устанавливается лишь нами. Конструирование означает, конечно, принятие решения, что должно и не должно делать. Любое действие есть, следовательно, отбор из большого числа возможностей действия. Для Гарфинкеля, действующий постоянно задается практическим вопросом: что делать дальше? Из-за сложности социальной реальности метод раскрытия предпосылок действия состоит в документальном методе интерпретации.

4.3.1 Документальный метод интерпретации

Интеракции удаются, так как все участники интерпретируют свое поведение как типичный пример («документ») типичного, известного в обществе образца. Этот новый метод Гарфинкель назвал «документальным методом интерпретации». Это понятие Гарфинкель, как сам отмечал (Garfinkel, 1961, S. 199), воспринял от немецкого социолога знания Карла Мангейма, который имел влияние на мышление Шюца, а также Бергера и Лукманна. Однако Гарфинкель

использовал его иначе, чем Мангейм, который этим обозначал герменевтически-критический метод раскрытия «собственного» смысла документа (ср.: Mannheim, 1921/22, S. 108): он использовал это понятие скорее в том смысле, как Шюц описал процесс типизации. Документальным методом интерпретации мы приводим вещи повседневности в «нормальный» порядок.

Гарфинкель провел только кризисный эксперимент, который ставил под сомнение обычные предположения нормального поведения и понимания. Его цель состояла в том, чтобы через это нарушение раскрыть предположения о нормальности действия в повседневности. Один из кризисных экспериментов показал, что мы сами пытаемся привести бессмысленные ситуации в порядок (Garfinkel, 1967, S. 79f.). Для этого Гарфинкель пригласил студентов принять участие в «альтернативном» проекте психотерапевтического консультирования. Они должны были сначала описать проблему терапевту, который сидел в другом помещении, а затем задать ему 10 вопросов, на которые можно было ответить только «да» или «нет». Ответы консультанта были заранее определены по принципу случайности, и порядок ответов был во всех случаях одинаковым. Когда позднее студенты рассказывали о консультации, выяснилось, что за неожиданными и даже противоречивыми ответами каждый пытался отыскать некий глубокий смысл. Из этого эксперимента становится ясно, что мы, очевидно, не можем выдержать, если мир не в порядке. Социальная реальность непрерывно конструируется нами так, что она сама производит смысл.

Документальным методом интерпретации мы реконструируем тип, в котором действие и говорение обретает другой смысл, а именно смысл для обеих сторон. При этом мы сталкиваемся с проблемой, которую можно было бы обозначить как отсылку действия и говорения к индивидуальному типу. Эта отсылка, которая вытекает не из самих вещей и не из совместно разделенного знания, но может быть понята лишь из специфического, индивидуального контекста, обозначается в этнометодологии как «индексность» («Indexikalitaet»), Индекс выражает нечто иное, поэтому Страусс перевел также indices как «симптом» (Strauss, 1959, S. 141). По сути, общий язык состоит из индексов (aus Indices), а следовательно, указаний на определенный контекст, в котором то, что «также» говорится, имеет специфический смысл. С помощью таких индексов действующие сигнализируют, что они есть кто-то «еще, кроме этого».

Индексные выражения служат предпосылкой социальному сближению и доверительности. Типичные индексные или контекстуальные понятия — это, например, имена, специфические обозначения и профессиональные выражения, но также это все те понятия, которые использует рассказчик для указания на нечто иное. Примерами являются слова «затем», «здесь», «этот», «эта», «это», «естественно». Язык нашей повседневности изобилует такими индексными выражениями. Они основаны на допущении, что все участвующие разделяют совместное знание. Индексные выражения впитывают другое и изменяют его в согласии с контекстом, который определил рассказчик. По существу, речь идет о том, чтобы посредством смысла, который конституировала одна сторона, нацелить людей на общее согласие. Таким образом, действительность конструируется социально.

Индексные выражения являются облегчением для тех, кто их знает. Для других — повод для недовольства, поскольку они не знают, что имеется

ввиду, и по этой причине отрезаны от решающих условий совместного действия. Действующие, следовательно, всегда должны быть разупорядочены. В повседневности обычно не обязательно так глубоко передавать индексы, чтобы любой мог нас понять. Мы хотим лишь, чтобы была поддержана коммуникация с определенными людьми. Если мы замечаем, что они не могут полностью нас понять, мы предлагаем им разъяснения. Спектр этих разъяснений колеблется от попутных комментариев до выразительных обоснований. С помощью стратегии объяснения действующие восстанавливают общий смысл, который некоторое время вызывал вопросы. Гораздо чаще с обеих сторон обнаруживается ожидание прояснения в процессе коммуникации того, что еще не совсем понимается в качестве индексной особенности момента. Эта способность жить в неопределенности, по-видимому, служит хорошей предпосылкой для совместности. Тем самым я перехожу ко второму методу конституирования повседневности, которая эту неопределенность, вероятно, увеличивает.

4.3.2 Расплывчатость языка

Индексные выражения, естественно, не подлежат точной расшифровке, так как знание контекста различно. Чтобы предотвратить непонимание, партнеры по интеракции Выражаются неопределенно и выжидательно. Благодаря этой неопределенности они дают пространство для интерпретации. Они допускают, следовательно, множество связей, так что каждый может выстроить из них свой собственный проект действия. Парадоксальным образом расплывчатость не увеличивает неопределенность, а облегчает повседневную коммуникацию. В одном из своих экспериментов Гарфинкель показал, что получается, если люди не воспринимают расплывчатый язык. Он попросил своих студентов парировать пустую фразу «Как поживаете?» требованием разъяснения. Гарфинкель пересказывает то, что разыгралось между «спрашивающим» и его «жертвой»:

«Жертва»: «Ну, как дела?»

«Спрашивающий»: «Как дела с чем? Мое здоровье, мое денежное положение, мои задания в вузе, мое состояние души, мое...»

«Жертва»: (покраснев и взволнованным тоном) «Послушай. Я всего лишь хотел быть вежливым. Откровенно говоря, меня совсем не беспокоит, как обстоят твои дела» (Garfinkel, 1961, S. 207)

Можно варьировать эксперимент, принимая содержание сказанного. Тогда на пустую фразу «Как поживаете?» отвечают таинственными словами «Я не хотел бы об этом говорить», или подробно описывают свои болячки. Третий эксперимент мог бы показать, как предложение ясной дефиниции может вызвать проблемы. Представим себе, что произойдет, если муж после свадьбы скажет своей жене: «Я люблю тебя. Что я под этим понимаю, ты можешь прочесть в соответствующей статье словаря Брокгауза».

В этих экспериментах становится ясным, что мы в повседневности отнюдь не всегда хотим все знать в точности. Язык повседневности расплывчат, но это не является недостатком. Это облегчает коммуникацию, так как каждый может определить для себя общую реальность.

4.4 Правила повседневности

Повседневность состоит из практических правил, согласно которым мы живем и следования которым, естественно, ожидаем от других. Некоторые правила являются обязательными и без них совместные действия вообще были бы невозможны. Некоторые упростились и стабилизировались, и в принципе норма стала иной. Гарфинкель лишь демонстрировал в другом кризисном эксперименте, что происходит, если мы нарушаем привычные правила, которые как таковые не замечаем. В этом кризисном эксперименте Гарфинкель попросил своих студентов вести себя дома с родителями как вежливый гость (Garfinkel, 1967, S. 47f.). К тому же, например, относилось правило говорить только если будет задан вопрос, вежливо спрашивать, можно ли пойти в туалет, или безмерно хвалить еду и спрашивать, как это приготовить. Все студенты сообщали, что их поведение повергло всех в замешательство и негодование. Спрашивали, что с ними произошло и что же все это значит. Наконец, родители подумали, что вероятно, их дети переработали или испытывают кризис. Тем самым они объясняли нарушение правил повседневности и вновь приводили повседневность в порядок.

Из этих кризисных экспериментов стало ясно, что наша повседневность конституируется определенными предположениями о нормальности. Они являются настолько само собой разумеющимися, что они никогда не могут отождествляться со стандартизированными методами. Тем не менее предположения о нормальности — лишь решающая предпосылка социального действия. Однако даже качественное социальное исследование нуждается в определенной фантазии, чтобы выявить такие предположения.

5. Качественное социальное исследование — взгляд на глубинные структуры

Элвин У. Гоулднер, один из острых критиков западной социологии, предъявил этнометодологии упрек в том, что она будто занимается социологией в качестве «случившегося» (Happening). Согласно его мнению, она является элегантно ведущим себя анархизмом, который чуть-чуть нуждается в твердом порядке (Gouldner, 1970, S. 466 и 472). Изменять же она ничего не желает. В этой критике он не одинок, и многие из серьезных социологов опасаются также, что социология, которая так шутивно приближается и понимается с каждым шагом, не принимается всерьез. Я думаю, в любом отношении в социологии, видимо, вырастет самосознание, и что касается эксперимента с кризисной ситуацией, необходимо лишь разъяснить, что он содержит критический потенциал, возникающий в тайниках в нашей повседневности, где и манифестируется общество. Кризисные эксперименты являются парадигмой качественного социального исследования, которое нацелено на раскрытие глубинных структур действия. Поскольку оно при этом разрушает красивую видимость повседневной рутины, оно всегда имеет разоблачительный резонанс. Это ироническая сторона романтического мышления. Эта ирония не стремится ранить, но пытается сдержать мышление «как обычно».

Формулируя цель таким образом, я хотел бы установить относительный характер упрека Гоулднера. Такие эксперименты не направлены на изменение. Гарфинкель потому ведет людей по тонкому льду молчаливых предположений в повседневности и мирится с тем, что они при этом проваливаются под лед, поскольку в разрушении порядка он надеется обнаружить, что удерживает его изнутри. И вероятно, с этим он связывал надежду, что в своей повседневной жизни участники действуют гораздо менее сознательно. Эмпирическое социальное исследование, которое приглашает к этому рискованному эксперименту, должно, конечно, сначала установить, от кого оно требует такого непопулярного кризиса и к какому результату приведет.

На фоне этого предупреждения должен, естественно, возникнуть вопрос, почему качественное социальное исследование вызывает сегодня большой интерес. На это Кляйнинг дал упрощенный ответ прагматического свойства. Согласно этому, «количественные исследования больше связаны с позитивистским пониманием общества и идеологией прогресса», чем качественные исследования, так как количественные данные считаются внеценностными, объективными и реальными (Kleining, 1996, S. 36). Качественные данные могут быть получены большей частью в отдельных случаях, чаще всего также в проблематичных или по меньшей мере необычных ситуациях, и указывают скорее на альтернативы «нормальному» состоянию. Это не означает, конечно, что качественное исследование является *per se* критическим, но оно позволяет как раз эти альтернативы устанавливать. Так как многие темы берутся из повседневности, альтернативы допускают перепроверку того, что каждый сам знает и о чем думает.

Перевод с немецкого В. В. Козловского

Литература:

- Abels, Heinz (1997): *Interaktion, Identität, Präsentation. Kleine Einführung in interpretative Theorien der Soziologie* (Opladen, Westdeutscher Verlag)
- Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.) (1973): *Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit*, 2 Bände (Reinbek, Rowohlt)
- von Baeyer (1971): *Einleitung zu: Schütz (1971): Gesammelte Aufsätze, Bd. III* (Den Haag, Nijhoff)
- Berger, Peter L., Luckmann, Thomas (1966): *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit*, 10. A. 1993 (Frankfurt am Main, Fischer)
- Blumer, Herbert (1973): *Der methodologische Standort des Symbolischen Interaktionismus*. In: Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.) (1973)
- Bulmer, M. (1984): *The Chicago School of Sociology* (Chicago, University of Chicago Press)
- Dilthey, Wilhelm (1900): *Die Entstehung der Hermeneutik*. In: Dilthey (1974): *Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens, Erste Hälfte (Gesammelte Schriften V. Band)* (Stuttgart, Teubner)
- Flick, Uwe; u. a. (Hg.) (1991): *Handbuch Qualitative Sozialforschung* (München, Psychologie Verlags Union)
- Fuchs, Werner (1984): *Biographische Forschung* (Opladen, Westdeutscher Verlag)
- Garfinkel, Harold
- (1961): *Das Alltagswissen über soziale und innerhalb sozialer Strukturen*. In: Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.) (1973), Bd. 1
- (1963): *A conception of, and experiments with trust as a condition of stable concerted actions*. In: Harvey (Hg.) (1963): *Motivation and social interaction* (New York)
- (1967): *Studies in ethnomethodology* (Englewood Cliffs, Prentice-Hall)
- Glaser, Barney; Strauss, Anselm (1967): *The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research* (New York, Aldine)

- Goffman, Erving (1959): *Wir alle spielen Theater*, 7. A. 1991 (München, Piper)
- Gouldner, Alvin W.
 — (1970): *Die westliche Soziologie in der Krise*, 1974 (Reinbek, Rowohlt)
 — (1973): *Romantisches und klassisches Denken. Tiefenstrukturen in den Sozialwissenschaften*. In: Gouldner (1984): *Reziprozität und Autonomie* (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
- Hopf, Christel; Weingarten, Elmar (Hg.) (1979): *Qualitative Sozialforschung*, 2. A. 1984 (Stuttgart, Klett-Cotta)
- Kleining, Gerhard (1996): *Qualitative Sozialforschung — Deutende und entdeckende Verfahren* (Hagen, FernUniversität)
- Kohli, Martin (1981): *Wie es zur »biographischen Methode« kam und was daraus geworden ist*. In: *Zeitschrift für Soziologie*, 10. Jg.
- Lukács, Georg (1923): *Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik*, 1967 (Amsterdam, de Muntter)
- Mannheim, Karl (1921/22): *Beiträge zur Theorie der Weltanschauungs-Interpretation*. In: Mannheim (1970): *Wissenssoziologie*, 2. A. (Neuwied, Luchterhand)
- Mills, C. Wright (1959): *Kritik der soziologischen Denkweise*, 1963 (Neuwied, Luchterhand)
- Oevermann, Ulrich; u. a. (1979): *Die Methodologie einer 'objektiven Hermeneutik' und ihre allgemeinforschungslgische Bedeutung in den Sozialwissenschaften*. In: Soeffner (Hg.) (1979): *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften* (Stuttgart, Metzler)
- Park, Robert Ezra (1926): *Behind our masks*. In: Park (1950): *Race and culture* (New York, Free Press)
- von Rosenstiel, Lutz (1991): *Fritz J. Roethlisberger & William J. Dicksons: »Management and the worker«*. In: Flick u. a. (Hg.) (1991)
- Schopenhauer, Arthur (1844): *Die Welt als Wille und Vorstellung*, 2. A. 1892 (Arthur Schopenhauer's sämtliche Werke in sechs Bänden, hg. von Eduard Grisebach, Bd. I und II (Leipzig, Reclam)
- Schütz, Alfred (1932): *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*, 1974 (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
- Schütz, Alfred; Luckmann, Thomas (1975): *Strukturen der Lebenswelt*, Bd. I (Neuwied, Luchterhand)
- Shaw, Clifford R. (1930): *The Jack-Roller. A delinquent boy's own story* (Chicago, University of Chicago Press)
- Simmel, Georg
 — (1887): *Über die Grundfragen des Pessimismus in methodischer Hinsicht*. In: Simmel Gesamtausgabe Bd. 2, 1989 (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
 — (1890): *Über sociale Differenzierung*. In: Simmel Gesamtausgabe Bd. 2, 1989 (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
 — (1908): *Soziologie* (Simmel Gesamtausgabe Bd. 11), 1992 (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
 — (1900): *Philosophie des Geldes* (Simmel Gesamtausgabe Bd. 6), 1989 (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
- Strauss, Anselm
 — (1959): *Spiegel und Masken*, 1968 (Frankfurt am Main, Suhrkamp)
 — (1987): *Grundlagen qualitativer Sozialforschung*, 1994 (München, Fink)
- Thomas, William I.
 — (1927): *Methodologische Vorbemerkung zu: Der polnische Bauer in Europa und Amerika*. In: Thomas (1965)
 — (1928): *Das Kind in Amerika*. In: Thomas (1965)
 — (1965): *Person und Sozialverhalten* (Neuwied, Luchterhand)
- Weber, Max
 — (1904): *Die »Objektivität« sozialwissenschaftlicher Erkenntnis*. In: Weber (1956)
 — (1906): *Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik*. In: Weber (1973): *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, 4. A. (Tübingen, Mohr)
 — (1913): *Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie*. In: Weber (1956)
 — (1921): *Wirtschaft und Gesellschaft* (Tübingen, Mohr)
 — (1956): *Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik*, 3. A. 1964 (Stuttgart, Kröner)
- Weingarten, Elmar; Sack, Fritz (1976): *Ethnomethodologie*. In: Weingarten, Sack, Schenkein (Hg.) (1976): *Ethnomethodologie. Beiträge zu einer Theorie des Alltagshandelns* (Frankfurt am Main, Suhrkamp)